

6-й год изданія

МЕЧ

Opłata pocztowa wliczona w cenę

СЕГОДНЯ В НОМЕРЪ

Международное обозрѣніе. — Политическія извѣстія.

Мир не покупается. Г. С.

Политика Англіи. А. КУТУМОВ.

Тѣни прошлаго. Е. КАЛИКИН.

Как это было (бесѣда с ген. Прхала). В. ПАТРИКЪЕВ.

Итоги полугодія. А. ВЮРГЛЕР.

В домикъ Чехова.

Островъ тѣне. Н. С. ЛЪСКОВ.

ЦѢНА

№ 20

ГРОШЕЙ

ПОДПИСАНЫ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА В ПОЛЬШѢ: на 3 мѣс. — 2 зл.,
на 6 мѣс. — 4 злот., на 1 год — 7 зл. 50 гр.

Объявленія: в текстъ 60 гр., за текст. 30 гр. за
миллм. стр. — Переменная адр. 50 гр.

Адрес редакціи и конторы: Warszawa, ul. Chocimska 35
Tel. 9.33-36. Skrzynka pocztowa № 360. P.K.O. 28.638.

TYGODNIK ROSYJSKI „MIECZ“

Варшава, Воскресенье, 30 іюля 1939 г.

№ 31 (268)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗАГРАНИЦЕЙ на 3 мѣсяца: в Бель-
гін — 18 фр. бельг.; в Болгаріи — 50 лева; в Германіи — 2 марки;
в Венгріи — 3 пэнго; в Латвіи — 3 лата; в Литвѣ — 3,5 лита;
в Югославіи — 24 динара; в Словакии — 10 кор. чеш.;
в Эстоніи — 2,25 кр. эст.; в остальн. госуд. Европы — 60 амер.
цент.; в Азіи, Австраліи, Африкѣ и Америкѣ — 1 дол. С.-А.С.Ш.

В домикъ Чехова

В солнечной Ялтѣ, высоко над городом, стоит на горѣ дом Антона Павловича Чехова. В этом домѣ провел писатель послѣдніе годы своей жизни, оборававшейся 35 лѣтъ тому назад — 15 іюля 1904 года.

В 1898 году, больной туберкулезом, Чехов пріѣхал в Ялту, чтобы поселиться в ней навсегда. Почти год прошел, прежде чѣм писателю с мировым именем удалось найти средства на постройку дома.

Чехов вынужден был продать издателю „Нивы“ свои прошлыя, настоящія и будущія произведенія для того, чтобы купить хотя бы дешевый участок земли. Это был заброшенный виноградник возлѣ татарскаго кладбища, заваленный грудями камней и мусора. Чехов мечтал превратить унылый пустырь в зеленый сад.

Пока закладывали фундамент и возводили стѣны, писатель со своей сестрой Маріей Павловной работал в саду, сажал серебристые тополя, душистыя липы, сирень, розы... Воду для поливки с трудом носили с рѣки, протекающей далеко под горой. Чехов, по свидѣтельству Горькаго, „любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзію труда“. С трогательной радостью встрѣчал Чехов каждую новую вѣтку, каждый раскрывшійся лист.

Прошло сорок лѣтъ. Чеховскій сад разросся, и тѣнистыя деревья совсѣм заслонили скромный бѣлый дом с застекленной террасой.

Отворив чугунную рѣзную калитку, входишь в маленькій дворик. Тишина. Шуршит гравій под ногами. Вѣтер по-

качивает кусты шиповника. С особенным волненіем читаешь надпись на мѣдной дощечкѣ, прибитой к парадной двери: „А. П. Чехов“.

В домѣ почти все сохранено так, как было тридцать пять лѣтъ назад. Так же висит на стѣнѣ в столовой картина в золоченой рамѣ, изображающая молодую женщину, в раздумьѣ облокотившуюся на стол. Картина называется „Бѣдность“. Это работа безвременно умершаго брата писателя—Николая Чехова, талантливаго художника и каррикатуриста. Литературная работа Антона Павловича началась с подписей к рисункам брата.

Вся обстановка столовой очоь проста, но каждая вещь имѣет свою исторію. Вот небольшой турецкій диван. Чисто Чехов, примостившись на диванѣ, сам зашивал свои посылки дѣтям кагоржников, с которыми познакомился во время поѣздки на Сахалин. Этот же диван служил обычно постелью для гостей. А гостей бывало много. На пианино, на котором лежат пожелтѣвшіе связки нот, играли Рахманинов, Спендіаров, Ребиков, за большим раздвижным столом собирались артисты Художественнаго театра, пріѣзжавшіе сюда играть для больного писателя „Чайку“, собирались и писатели — Горькій, Куприн, Мамин-Сибиряк.

Пожелтѣвшая от времени, с оборванным заглавным листом домовая книга до сих пор хранит память о людях, гостивших в этом домѣ. Нѣкоторые листки ея заполнены рукой Чехова.

На одной из стѣн столовой ялтинскаго дома в застекленной рамѣ хранится интересный экспонат: неизвѣстный

чадовѣкъ на представленіи „Чайки“ в Ялтѣ преподнесъ смущенному писателю двѣ пальмовыя вѣтки, перевязанные красной лентой с надписью: „Глубокому истолкователю русской дѣйствительности Антону Павловичу Чехову“. А на другой стѣнѣ, как бы в подтвержденіе этих слов, висят образцы цензурных запрещеній, которым подвергались произведенія Чехова.

... Здѣсь же, в столовой чеховскаго дома, висит фотографія сада в Баденвейлерѣ, в котором любил прогуливаться писатель и гдѣ послѣ его смерти был сооружен памятник на средства Художественнаго театра. Этого памятника теперь уже нѣтъ: в годы мировой войны он был свергнут, отправлен на заводы Круппа и передан на снаряды.

Самая свѣтлая комната в домѣ — кабинет писателя. Раньше из выходящаго на юг окна было видно море. Теперь море скрыто разросшимся садом.

Какое обиліе всевозможных вещей в кабинетѣ! Тумбочки и столики заставлены подарками друзей писателя. Здѣсь и рѣзные ларцы времен Екатерины II, и мастерски одѣланный макет сѣвернаго города зимой, и статуэтка „Три сестры“, и слоны, искусно выточенные из чернаго дерева, которых привез сам писатель с Цейлона. На стѣнах — картины Левитана, Средина и др., многочисленныя фотографіи — Толстого, Горькаго с сыном Максимом, Чайковскаго, Левитана, артистов Художественнаго театра...

В этой комнатѣ созданы Чеховым рассказы „В оврагѣ“, „Невѣста“, пьесы „Три сестры“ и „Вишневый сад“ — послѣднія произведенія писателя, в которых зазвучало предчувствіе здоровой, сильной бури, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе к труду, глупую скуку“.

На письменном чеховском столѣ лежит небольшой лист, исписанный стремительным почерком писателя, — это рукопись послѣдняго рассказа „Невѣста“. Тут же нераспечатанная бандероль — „каталог по садоводству“, полученная послѣ отъѣзда больного писателя в Баденвейдер.

Тяжко больной Чехов продолжал работать каждый день. Часто вставал из за стола, медленно ходил по комнатѣ, долго стоял у окна. Из окна ему видно были бѣлыя татарскія лачуги, роскошные особняки внизу, на самом берегу, и далеко в морѣ — рыбацкіе парусники.

Как только Чехов поселился в Ялтѣ, к нему с первыя же дней стали приходить бѣдняки-татары из верхняго города. Чехов до послѣдних своих дней занимался врачебной дѣятельностью. И на письменном столѣ возлѣ чернильницы лежат медицинская трубочка, плесси-метр и молоточек. До сих пор еще живы в Ялтѣ старые пациенты писателя, которые вспоминают о добром докторѣ Чеховѣ, ни разу не отказавшем в безплатном лѣченіи. К Чехову шли привѣзавшіе в Ялту больные туберкулезом студенты, учителя, молодые артисты.

„Одолѣвают чахоточныя бѣдняки, — писал об этих посѣщеніях Чехов. — Видѣть их лица, когда они просят, и видѣть их жалкія одѣяла, когда они умирают, — это тяжело. Мы рѣшили строить санаторію, я сочинил воззваніе; сочинил, ибо не нахожу другого средства. Если можно, пропагандируйте сіе воззваніе через нижегородскія и самарскія газеты, гдѣ у вас есть знакомства и связи. Может быть пришло что-нибудь...“

Воззваніе было разослано во всѣ концы Россіи. Многие отозвались. К со-

бранной суммѣ Чехов добавил пять тысяч рублей, и здѣсь же, в верхней Ялтѣ был построен первый санаторій для туберкулезных больных — „Яузлар“.

Задержимся еще в чеховском кабинетѣ возлѣ двери, ведущей в спальню, — здѣсь старомодный телефон. Во время первой постановки „Чайки“ в Художественном театрѣ в Москвѣ в Ялту посылали телеграммы послѣ каждого дѣйствія. Телеграммы передавались с городской почты по телефону. Чехову нездоровилось в тот вечер, он лежал в постели. Но когда раздавался звонок, вволнованно подходил к телефону, всякій раз забывая надѣть халат и туфли...

Рѣзная дверь ведет из кабинета в спальню. На окнах бѣлыя занавѣски. В простѣнкѣ стоит ставшая литературным персонажем шифоньерка из краснаго дерева. Когда-то Евгенья Яковлевна — мать писателя — хранила в ней конфеты и варенье. По вечерам сыи Антоша с братьями и оестрой собирались возлѣ нея в ожиданіи угощенія. И тогда же придумали ей названіе — „многоуважаемый шкаф“.

Кровать писателя — желѣзная, покрыта бѣлым тканевым одѣялом. Чехов работал на ней лежа, во время приступов болѣзни и в холодные вечера. В бурныя ночи, когда громыхало желѣзо на крышѣ, в маленьком домикѣ отовсюду дуло. Писатель никак не мог согрѣться. Начинался тяжелый озноб. Чехов надѣвал пальто, шапку, ложился на кровать под одѣяло и только тогда продолжал работать.

В одну из таких ночей позвонили с улицы. Пронрогшій человек в мокром пальто и худых башмаках хотѣл немедленно видѣть Чехова. Он прошел пѣшком 50 верст. Это был учитель из школы в деревнѣ Мухалаткѣ, вблизи Байдарских ворот.

— Школу завтра закроют... Нѣтъ денег. Что дѣлать?

Чехов достал свои послѣдніе 500 рублей — только что полученный гонорар — и вручил учителю. Впослѣдствіи в этой же деревнѣ Чехов построил вторую школу, которая носит теперь его имя.

Чехов покинул свой ялтинскій дом 4 мая 1904 года. Он не вернулся в него.

На небольшом столикѣ возлѣ кровати, как и 35 лѣтъ назад, с закладкой внутри, лежит недочитанный журнал.

Над кроватью — отрывной календарь с майской датой 1904 года.

Но большой кипарис напоминает о движеніи времени. Его посадили в саду в год смерти писателя. Теперь кипарису 35 лѣтъ. Он перерос дом. Стройный и вѣчно зеленый, он стоит, возвышаясь над садом.

И неузнаваемо все измѣнилось вокруг.

Послѣ смерти Антона Павловича дом опустѣлъ. Цѣною невѣроятных усилій удалось сестрѣ писателя — Маріи Павловнѣ Чеховой спасти его от продажи. Дом разрушался, попытки пріискать средства на сохраненіе его, как памяти о Чеховѣ, равбивались о стѣну равнодушія. Только в 1920 году домик Чехова зажил новой, теперь уже привычной жизнью.

Студенты, школьники, рабочіе, красноармейцы, люди самых различных возрастов и профессій стремятся побывать в домѣ любимаго писателя. Число экскурсантов растет с каждым годом. С 2.000 человек в 1920 году оно давно перевалило за 40 тысяч в год.

„Изв.“.

Наталья Макарова.